

и кормила детей; знать свою зависимость от Азефов и Рачковских, к которым не могло не быть презрения даже и в душе дегенерата; видеть вокруг только низкопоклонные выражения лиц и быть уверенным, что, как только уйдешь из комнаты, эти лица немедленно перемигнутся, и кто-нибудь постарается сострить, — такая жизнь при доминирующем чувстве безответственности и отсутствии живого интереса к большим операциям, каковыми так богата жизнь народа, — должна была быстро сточить и те немногие возвышения над животным состоянием, какие свойственны самым примитивным натурам, и обратить стремления организма к линиям наименьшего сопротивления. Наследственность — запой отца и злоупотребления вином и женщинами деда — помогла разгрому царского организма так же, как преемственность реакции — разгрому государственного. Рядом с этим росло недоверие и подозрительность: когда чувствуешь себя как бы виноватым перед всеми, очень скоро начинает казаться, что это все перед вами виноваты; всюду видишь тогда опасности, обман. Если есть возможность при такой обстановке как-нибудь осуществлять свою волю, то проявляется она в формах резких, необдуманых, способных раздражать или трогать — глядя по настроению. Когда, как это было с последней историей в высших русских школах, царь брал в свои руки руководство репрессиями против студенчества и профессуры — это всех раздражало, путало расчеты правительства и создавало кризис не одной школы. Когда черты вырождения и недомыслия сказывались дома, они могли увлажнять глаза сентиментального свидетеля их. Таким свидетелем сделался однажды уволенный за «либерализм» товарищ министра народного просвещения, Герасимов. После обычных и незначащих фраз, которыми цари отделываются от докучливой обязанности говорить с незнакомыми и неинтересными людьми, что называется для красоты слога «высочайшими аудиенциями», Николай вдруг сделал «простое» лицо и спросил Герасимова:

— А что, вы получили пенсию?

— Как же, Ваше Величество, получил, приношу Вам глубокую благодарность.

— Это очень хорошо, — добродушно перебил царь, как бы отвечая на свою собственную мысль. Потом не удержался и высказался:

— Они ведь могли бы и не дать...

Это “они”, направленное против правительства, тяжесть которого давала себя чувствовать и Николаю, глубоко тронуло Герасимова, и, чтобы не выдать волнения, он поспешил отвесить новый поклон; но царь, думая верно, что отставной сановник собрался уходить, удержал его за руку и сказал:

— Погодите. Вы куда едете отсюда?

— В Смоленск, Ваше Величество.

— Покажите по карте, по каким дорогам вы поедете. Я люблю знать, как едут бывшие у меня, — и с этим он подвел оторопевшего Герасимова к карте России, по которой он и показал царю простую черту — Николаевскую и Новоторжковскую железные дороги, которые известны всякому школьнику.

Долго еще не мог оправиться от этой аудиенции чиновный либерал, и Бог весть, сколько людей, “едущих от него”, этого странного человека в рубашке и шароварах, увозили с собой те чувства жалости и расположения, на которых многое можно было построить, если б Николай знал вообще цену таким чувствам. Но одновременно с падением всякого личного на него влияния и увеличением порций вина эра конституционная незаметно сливалась с фантастической эрой “неограниченных возможностей”, в которой страна потеряла всякое равновесие и которая грозит миру всякими сюрпризами...»

К. Н. УСПЕНСКИЙ

Очерк царствования Николая II*

1

Восшествие на престол бывшего императора Николая II встречено было русским обществом теми надеждами на наступление новой эры, которые характерным образом сопровождали у нас начало каждого нового царствования. Более хотелось, чем верилось, что «молодой монарх», которого в народе знали очень мало, будет лучше своего предшественника. Хотелось потому, что борьба с последствиями страшного неурожая начала 90-х годов всколыхнула русское общество от десятилетней спячки, выдвинула вновь на видное место политико-экономические вопросы, положила начало той дифференциации общественных направлений, которая позднее привела к образованию сплоченных политических партий. Александр III вступал на престол под непосредственным впечатлением страшной смерти отца. Он должен был отсиживаться в Гатчине от народовольцев, откладывать коронацию, уединяться в шхерах и в Дании. Он, подобно травимому зверю, долго копил сосредоточенную озлобленность, вырабатывая из себя маньяка идеи самодержавия. Николай II был свободен от этих угнетающих впечатлений: он мог действовать спокойно и свободно, чтобы стать

---

* Впервые: *Успенский К. Н. Очерк царствования Николая II // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1917. № 4. С. 5–37. Печатается по этому изданию.*

Успенский Константин Николаевич (1874–1917) — русский историк-византинист. С 1910 г. — приват-доцент Московского университета. Основной труд — «Очерки по истории Византии» (первая часть была издана в 1917 г.). Отрицал закономерности исторических явлений, как византинист фактически придерживался теории извечности феодализма. — Примеч. сост.

любимым в народе, заранее настроенном в его пользу. Но общество наше, встречая с такими надеждами и ожиданиями молодого Николая, не учитывало, какое фатальное наследство оставил Александр III своему сыну, не учитывало того, что в атмосфере придворной лести и преклонения средний, не особенно сильный, не особенно интеллигентный человек, вознесенный на сверхчеловеческую высоту, уверенный, что он — помазанник Божий, легко мог выработаться в самоуверенного невежду, совмещающего тряпичность души с упорством, полную темноту с отсутствием желания учиться и соприкасаться с жизнью. И нужно было, чтобы Николай сделал определенные выступления: только тогда общество было выведено грубыми толчками из радужных, действительно «бессмысленных» мечтаний о добром молодом царе, который был только сном или призраком. Уже первое выступление Николая в качестве монарха ясно показало, что он не верит своему народу, подозревает его в государственном преступлении и ничего с ним общего не имеет. Это первое, так сказать, отречение Николая от своего народа произошло следующим образом.

17 января 1895 года назначен был прием молодым императором депутации от дворянства, земств, городов и казачьих войск. В большой зале Аничковского дворца состоялся этот прием, и здесь Николай произнес бестактные слова о «бессмысленных мечтаниях», ставших потом нарицательными. «Мне известно, — сказал Николай, — что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы свои благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Отказавшись от той поддержки, с которой так доверчиво встречала его Россия, Николай II становился сразу в то немыслимое для власти положение, которое выражается в известной формуле: «мы и они», «мы и народ» — и в сказочном безразличии по отношению к судьбам государства. Кто же были эти «мы» — на первых порах царствования Николая II? Сам он, 26-летний молодой человек, инглизированный благодаря стараниям главного воспитателя m-r С. Heath'a, искусившийся и в верховой езде, и в стрельбе, и в других спортах, отлично говоривший по-английски и с трудом изъяснявшийся по-русски, по своему образованию, однако, навсегда оставшийся на уровне среднего

гвардейского офицера, никогда не интересовавшийся ни одной из преподававшихся ему по-казенному военных и штатских наук, проводивший время в церковных церемониях, парадах, маневрах, а позднее с эпохи кругосветного путешествия — еще и в кутежах и забавах в гвардейско-гусарской среде.

Жена Николая, так называемая Александра Феодоровна, принцесса гессенская Алиса, которую, как витиевато выражался манифест 21 октября 1894 года, «душа возлюбленного родителя благословила разделять с нами верующею и любящею душою непрестанные заботы о благе и преуспевании нашего отечества», — принесла с собой в приданое лишь неиссякаемую обиженность, надменное молчание и презрение к русским. Говорили, что Алиса — «доктор философии», что она сочувствует просвещению, конституционализму. Но пока она была нормальна, она никак себя не проявляла, а потом скоро стала обнаруживаться ее психическая неустойчивость, характерная для гессенской семьи.

Из родственников Николая — дедушка Михаил Николаевич был уже выжившим из ума стариком. Более влиятельными могли быть дядья императора. Старший из них, Владимир Александрович, уже немолодой тогда жуир, кутила-скандалист и сквернослов, невозможный в сколько-нибудь приличном обществе, был широко знаменит как беззастенчивый растратчик чужих денег, между прочим укравший три миллиона, собранные по всенародной подписке на постройку храма на месте убийства его отца, Александра II. Сергей Александрович, будущий московский генерал-губернатор, извращенный развратник, почти мономан, злобное и гнетущее существо, щедро одарявший лишь своих военных и штатских любимцев. Алексей Александрович, стоявший целый ряд лет во главе морского ведомства и флота, горький пьяница, распутник, лентяй и глупец, растрчивавший деньги, отпускавшиеся на морское ведомство, по европейским курортам и игорным притонам. Наконец, Павел, о котором как о совершенно безликой фигуре нельзя сказать ровно ничего. Братья Николая — Георгий в те годы умирал в далеком Абас-Тумане от туберкулеза, обострившегося после дикой сцены с Николаем на «Памяти Азова» и падения с лестницы в трюм; Михаил, любимец отца, а потому неприятный завистливому и ревнивому Николаю, был еще в 90-х годах слишком юн, чтобы иметь какое-либо значение. Что касается ближайшего окружения Николая, его «правительства» на первых порах, то, конечно,

не он создавал его, так как по своему титаническому равнодушию к судьбам государства он и не считал нужным что-либо создавать. Эти люди пришли править Россией сами, думая лишь о своих личных выгодах. Одни из них сумели удержать свое властное положение, достигнутое еще в предыдущее царствование, другие просочились наверх через них или через товарищей юности Николая. Несомненно, что наибольшим значением при императоре пользовался знаменитый обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, фигура слишком известная, чтобы о ней распространяться. Ханжа и лицемер, великий обманщик и атеист, развратный страус нравственности, он и при Николае продолжал уверенной и искусившейся костлявой рукой гнести и церковь, и народную совесть и вдохновлять третью по счету реакцию — просто по инстинкту человеконенавистничества. Беспреданно осенявший себя крестным знамением, питавшийся просфорками, смиренно-мудрствовавший, Победоносцев наполнил церковь такими нужными ему иерархами, как вороватый Палладий, обжора и сластена Исидор, эротоман Леонтий, развратник Николай Алеутский. А за этим великим инквизитором располагались все не менее знакомые (хотя и печальные) нам лица: пара Дурново — Петр и Иван; первый, с наименованием «Бразильский» (за кражу документов из стола бразильского посланника), был заклеен резолюцией Александра III: «Убрать этого негодяя в 24 часа», но потом, при Николае, снова выплывает на видные места; второй, старший брат Иван, еще менее образованный, но пронырливый и покладистый служака, полюбившийся еще гр. Д. Толстому за свою бездарность, выдвинутый им и просидевший потом министром внутренних дел с 1889 до 1895 года. Ему Россия обязана институтом земских начальников, земской реформой 1890 года и городской 1892 года. При Николае Иван Дурново превращается в председателя Комитета министров, а на его место назначен был И. Горемыкин, которого почему-то считали специалистом по крестьянскому вопросу, хотя его единственной специальностью было ферлакурство. Горемыкин потащил за собой мужей всех своих приятельниц, а на Николая воздействовал главным образом слезами и истериками. Во главе военного дела остался стоять столько же «терпеливый», сколько и бездарный Куропаткин, ловко пользовавшийся лучами скобелевской славы, на нем игравшими. Величайшим финансистом считался Витте, проведший внешним образом мастерски ту девальвацию,

которая упрочила наш общий баланс. За этими звездами первой величины светились вереницы менее значительных: Клейгельс, любимый генерал-адъютант Николая, вор и мошенник, без которого не обходилось ни одно темное дело, где бы можно было пожить; фон Валь, патентованный вор, принятый, однако, после обнаружения его подвигов в свиту и прошедший потом в товарищи министра внутренних дел, Каульбарс, Ренненкампф, Нейдгардт, Меллер-Закомельский, Бильдерлинг, Штакельберг, Гриппенберг и мн. др. с не менее выразительными фамилиями. Вот из кого состояли те «мы», которым до России и народа было очень мало дела, что они и показали в первом же акте нового царствования, превратив коронацию в «ходынку».

Такое катастрофическое вступление в царствование обусловлено было, впрочем, не столько преступной небрежностью московских начальников, сколько отстаивавшимся общим режимом. Около безвольного и полудошевленного Николая II вились вихри чювничьих интриг, обделывались дела, не имевшие в виду народных нужд. Ни сам Николай, ни его сподвижники не имели определенной правительственной программы, не руководились ясно сознанными государственными задачами. Единственной целью правящих кругов было — так или иначе сохранить себя, поддержать свой гаснущий авторитет, а потому деятельность правительства на рубеже XIX и XX ст. сводилась частью к нервной охране существующего порядка, при помощи усиления полицейской репрессии, частью к растерянными и сбивавшим друг друга попыткам пересмотра некоторых сторон государственного устройства. Ухватились еще с 1894 года за пересмотр законоположений о крестьянах. Министрам финансов и внутренних дел предоставлено было сообща разрешать рассрочку выкупных недоимок посредством приплат (закон 7 февраля 1894 г.), как будто попытались понизить самые оклады выкупных платежей, но оба узаконения в этой области (13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г.) не пошли дальше незначительного уменьшения их основного размера, притом обставив и его различными стеснениями. Лишь позднее, под воздействием роста аграрных волнений, с 1906 года правительство принуждено было скинуть сначала половину выкупных платежей, а с 1907 года вовсе отменить их. Другому, еще более важному вопросу — о земельной нужде крестьян — в до-думский период также почти не уделялось внимания, если не считать бесцветного пересмотра переселенческого дела и устава Крестьянского банка,

не предупредившего, однако, различного рода злоупотреблений. Уже в конце этого периода (в 1902 г.) образовано было при министерстве внутренних дел особое совещание (председатель министр Сипягин) с редакционной комиссией в составе по назначению министра — для пересмотра некоторых законоположений о крестьянах. Результаты работ этого совещания передавались на обсуждение губернских совещаний чисто бюрократического состава. Но одновременно с этим, по почину министра финансов С. Ю. Витте, организовано было особо действовавшее «Совещание для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности», которое образовало свои губернские и уездные комитеты. В последние, благодаря полномочиям, данным их председателям, впущены были не только земские гласные, но и вообще известные местные деятели, — и работа их, поскольку ей предоставлялось затрагивать и вопросы общего управления, вызвала известное общественное оживление. Комитеты явственно выдвинули необходимость связи крестьянского вопроса с решительным переустройством всех сторон государственного уклада. Намечались: создание всесословного сельского общества, отмена соединения суда и администрации в сельском управлении, организация низшей судебной инстанции. Естественно, что конкурировавшее с сипягинской комиссией совещание было сочтено небезопасным для государственного спокойствия, и в конце концов оно было закрыто. Это было уже в марте 1905 года, т. е. накануне первой революции, а правительство сочло возможным тогда же создать для дальнейшей работы новое совещание «о мерах по укреплению крестьянского землевладения». В рескрипте, данном на имя его председателя И. Горемыкина, в качестве таких мер намечались все те же: переселение, подъем деятельности Крестьянского банка и изоляция крестьянских земель от других владений, а это показывает, что даже среди начавшихся аграрных погромов правящие сферы так и не сумели или не захотели отрешиться от старых, уже оказавшихся негодными, путей разработки одной из важнейших государственных задач.

Ту же косность и близорукость проявило правительство Николая II на первых порах и по отношению к другому капитальной важности вопросу, вопросу рабочему, выдвигавшемуся в 90-х годах на одно из видных мест вследствие заметного роста фабричной промышленности и развития самосознания рабочего класса, его профессиональной организации и политического

воспитания. В 1896 году произошли прекрасно подготовленные рабочими союзами большие стачки. Правительство всколыхнулось, попробовало нормировать рабочий день (закон 2 июня 1897 г.), но вскоре беззаботно допустило (правила 20 сентября) удлинение рабочего времени и ночную работу. Вместе с тем неуклонно принялись превращать фабричную инспекцию в орган управления рабочими с чисто политическими функциями, подчинив ее губернаторам (закон 30 мая 1903 г.). Но главной задачей правительства по отношению к рабочим в этот период становится отвлечение их от «политики». Создателем системы своего рода полицейского социализма выступил один из агентов московской охранки, дослужившийся до должности ее начальника, Сергей Зубатов. Его система заключалась в искусстве основывать такие рабочие организации, которые бы отстаивали интересы рабочих путем стачек и других форм давления на капиталистов, но под условием полной преданности существующему порядку. Зубатов и его агенты старались разъединить рабочих с интеллигенцией, увлекали их, напротив, уверениями в готовности правительства идти навстречу их нуждам, при условии отказа от революционности. Зубатов устраивал образовательные кружки рабочих под покровительством московского генерал-губернатора Сергея — и сумел привлечь для чтения лекций даже нескольких профессоров Московского университета. 19 февраля 1903 года до 50000 рабочих, руководимых Зубатовым, собрались в Кремле для возложения венка на памятник Александру II. Но потом эти блестящие результаты зубатовщины быстро пошли на убыль: с одной стороны, система вызывала раздражение среди фабрикантов, а с другой — и рабочие убеждались в провокационном ее характере. И зубатовские организации стали превращаться в чисто революционные. Но в Петербурге, где зубатовщина тоже пустила корни, преемником не оправдавшего ожиданий и попавшего под опалу Зубатова — выдвинулся на некоторое время священник Гапон, сплотивший «общество русских фабричных и заводских рабочих».

Недоброжелательное недоверие к обществу и его самодеятельности, может быть, наиболее выпукло выразилось в отношении правительства Николая II к самоуправлению земскому и городскому. Что касается земства, то, несмотря на существенные искажения и компетенции и системы представительства «реформой» графа Толстого 1890 года, оно продолжало отста-

ивать себя как живой общественный организм, питая в себе дух противодействия и борьбы — с «видами правительства». Последнее в своей варварской изолированности от общества и антигосударственном характере и при Николае смотрело на земство как на своего опасного конкурента. Явственным образом такое недоброжелательство выразилось по вопросу о введении земских учреждений в девяти западных губерниях и трех юго-восточных (Астраханской, Ставропольской и Оренбургской). В 1898 году мин. вн. дел (Горемыкин) внесло на заключение ведомств два соответствующих проекта (на основе положения 1890 г.), но дальнейшее распространение самоуправления вызвало решительный отпор со стороны министра финансов Витте и К. П. Победоносцева. В своей конфиденциальной записке по этому поводу С. Ю. Витте заявлял, что развитие всесословного представительства в делах местного управления неизбежно ведет к таковому же и в сфере управления центрального, к конституции — этой «великой лжи нашего времени». Под влиянием этих наветов Николай отставил Горемыкина и приостановил движение проектов. Преемник Горемыкина — Д. С. Сипягин поплелся по указаниям Витте, вместе с которым в 1899 году составил и провел временные правила о фиксации земского обложения. Намерением Витте было — сломить земскую оппозицию и обратить земство в послушный орган бюрократии. В 1901 году Сипягин и Витте смастерили проект земского управления в неземских губерниях. Здесь выборное начало совершенно отвергалось, и министр Сипягин с самоуверенностью лихого охотника и бонвивана утверждал, что при самодержавии вопрос о том, в каком порядке представители местных интересов назначены — по выборам или бюрократически — вопрос совершенно второстепенный — самое противоположение одного порядка другому коренится в смешении понятий. Однако этой любопытной теории не довелось получить осуществления. 2 апреля 1902 года Сипягин был убит ст. Балмашевым. Его преемником по власти был Плеве, который, повалив всеильного до тех пор Витте, взял обратно из Государственного совета проект своего предшественника. Плеве, опираясь на два своих костыля — всевидящее полицейское око и неослабную репрессию, был уверен в своем могуществе и возможности держать в руках настоящее, а в будущее он не заглядывал и опасными «теориями» не интересовался. Он принялся громить земство

не записками и проектами, а ревизиями и административными воздействиями. В губерниях Московской, Вятской и Курской ревизию производил угодливый товарищ министра Н. Зиновьев, а на Тверскую за ее «бессмысленные мечтания» налетел директор Департамента общих дел — Б. В. Штюмер. В результате этой «ревизии», веденной по-штюмеровски, предпринят был настоящий разгром тверского губернского и новоторжского уездного земств. Указом 8 января 1904 года министру внутренних дел были даны особые полномочия: без производства вторичных выборов назначить председателей и членов управ, разрешить текущие дела и воспретить пребывание в пределах губернии лицам, вредно влияющим на ход земского управления. В правительственном сообщении объявлялось, что деятельность земских учреждений Тверской губернии давно уже обращает на себя внимание направлением, не соответствующим требованиям государственного порядка, постоянным стремлением идти наперекор местной власти, образованием при управах «советов» с участием учителей и врачей. В новоторжском земстве Штюмер указывал на такое тяжкое преступление, как чтение в школах «Капитанской дочки» Пушкина, сопровождаемое туманными картинками, изображавшими повешение дворян мятежной чернью. Исходя из набега на Тверь, правительство Плеве распространяет широко и в других местах неутверждение должностных лиц, выбранных земскими собраниями, завенчивающееся устранением от должности председателя московской губернской управы Д. Н. Шилова, организует целый поход на... земских статистиков, сплошь признанных политически неблагонадежными, законом 2 февраля 1904 года изолирует уездные земства от губернских, предоставляя первым право ходатайствовать о местных нуждах прямо перед правительством.

Правительство Николая, руководимое последовательно становившимися во главе его такими человеконенавистниками, как Горемыкин, Сипягин, Плеве, объявляло в своей самоуверенности войну всему обществу, всем его классам и организациям. Оно не считалось с важными вопросами, выдвигавшимися жизнью, с назревшими нуждами России и до сознательного глумления действовало наперекор стремлениям сознательных элементов общества. Последнее и становилось все более яростным врагом его. Правительство и скрытая за ним верховная власть теряли всякий авторитет — а чувствуя это, оно обостряло полицейский

режим, объявляя всю страну под подозрением; весь народ — преступным и заслуживающим кар и возмездий. Еще в 1895 году генерал-губернаторам и градоначальникам предоставлено было право изгонять по личному усмотрению людей не только за политическую «неблагонадежность», но и вообще за «порочное поведение». Вся Россия постепенно переводилась в бессмысленные усиленные, чрезвычайные охраны, в военное и чуть ли не осадное положение. 1897–98 годы отмечаются напряжением ужасов цензуры. Закрываются просветительные и даже ученые общества. В 1899 году ввиду студенческих волнений — особое совещание шести министров (министр просвещения — Н. Боголепов, бывший профессор, искони ненавидевший студентов) постановило участвовавших в беспорядках студентов отдавать в солдаты, хотя бы они и не подлежали воинской повинности. В 1901 году закрыт союз писателей. В 1902 году разбросаны были по лицу земли русской видные участники комитетов по сельскохозяйственной промышленности.

Позорным пятном на раннем, до-думском периоде царствования Николая лежит и то ужасное средство, которое можно, однако, назвать даже традиционным в подновлении патриотизма и самодержавия — погромы. Жертвой их главным образом являлось еврейство, с начала 80-х годов подвергавшееся у нас малопонятым для конца XIX в. преследованиям. Сначала пытались мотивировать эти гонения культурной отсталостью евреев, фанатизмом, замкнутостью. Позднее, наоборот, ссылались уже на их космополитизм, вредное для русских стремление к образованию. Устанавливали % нормы для евреев в учебных заведениях, круговые поруки, запрет целого ряда профессий и деятельностей, запрещение пользоваться христианскими именами. Устраивали массовые выселения евреев из различных городов и местностей, устраивали и погромы. Все эти тенденции с особенным напряжением стали сказываться в первые годы XX ст., когда в Москве развивает свою дико иудефобскую деятельность генерал-губернатор Сергей совместно с Дмитрием Треповым и когда Плеве устраивает два грандиозных еврейских погрома — в Кишиневе и Гомеле (1903 г.). В Кишиневе — было до 50 убитых, несколько сот изуродованных и 1300 разгромленных домов и лавок. В результате же гомельского погрома — преданы были еще суду 36 евреев, защищавших жизнь собратьев от насильников и грабителей, нанятых правительством.

Обострению погромно-полицейского режима внутри страны соответствовали и все усиливавшиеся репрессии на окраинах. Для Польши такие репрессии были привычны, но когда та же политика была неожиданно и нечестно распространена и на Финляндию, последняя вся вспыхнула великой ненавистью к императорскому правительству. В 1898 году финляндским генерал-губернатором назначен был Бобриков, которому велено было проводить, не считаясь ни с чем, политику обрусения и административного объединения Финляндии с империей путем исключительных законов. В следующем году, лицемерно созывая первую мирную конференцию в Гааге, Николай совершил над Финляндией акт, вызвавший глубокое негодование всего цивилизованного мира. 3 февраля 1899 года был издан манифест, за официальным названием которого «Об основных положениях составления, рассмотрения и обнародования законов, издаваемых для империи вместе с Финляндией» скрывалось грубое покушение на целостность финляндской самостоятельности. Финляндский сенат заявил протест против нарушения конституции, и в Петербург были отправлены депутации с адресом к Николаю, покрытым более чем 500 000 подписей. Николай не пожелал ее принять. Но вместе того в 1900 году был обнародован высочайший указ о введении русского языка в Финляндии, а в 1901 году манифест об издании для нее нового устава о воинской повинности. Все финляндское общество пришло в волнение, начались беспорядки, протесты, съезды. Снова был направлен к Николаю протестующий адрес — и снова Николай не принял его. Бобриков же неистовствовал, пока 3 июня 1904 года не был убит сыном сенатора Шауманом.

Вся эта противонародная и антигосударственная политика должна была неизбежно питать рост антиправительственных идей, неуклонно подрывать авторитет власти, но эти процессы совершались незаметно, а потому отчасти понятным становится то петербургское равнодушие к состоянию общественного сознания и тот самоуверенный оптимизм правительства, которые характерны для всех этих всемогущих насильников и угнетателей вроде Сипягина, Витте, Бобрикова, самого Плеве. Последний являлся и одним из главнейших творцов того «безумия и ужаса», той позорной войны с Японией, которая и нанесла решительный удар и царившей власти, и все еще прочно господствовавшему чудовищному порядку вещей.

2

Еще в 1898 году амурский купец Бринер получил от Корейского правительства концессию на основание Корейской лесной компании для эксплуатации лесных богатств по р. Ялу. Не имея ни средств, ни авторитета, Бринер в 1902 году продал эту концессию некоему полковнику А. Безобразову, который был своим человеком во дворце Николая. Это был авантюрист чистой воды, с азартом ухватившийся за выгодную игру, казавшуюся ему верной. Он сумел заинтересовать предприятием самого Плеве, который уже подсчитывал материальные и нематериальные результаты захвата нового дальневосточного царства, а также Николая, который дал деньги, сделал Безобразова статс-секретарем и согласился на образование компании для разработки ялуйских лесов. В нее вошли — и Мария Феодоровна с сыном Михаилом, и Владимир Александрович, и целый ряд других сильных державных, кто — непосредственно, кто через подставных лиц. Крупные многомиллионные вклады поступали в полное заведывание группы сановных проходимцев с наместником Востока Алексеевым, его приятелем Абазой и Безобразовым во главе. Будучи уверены в безусловном превосходстве сил России над «ничтожным гнездом макаков», заправила компания великое «лесное дело» без всякого уважения к интересам туземцев и нарушая границы концессии. Японское правительство не могло не увидеть в этом — государственном предприятии — признаков стремлений России на Дальний Восток, политического и экономического утверждения ее там, тем более, что пришлось считаться с захватом Россией Ляодунского полуострова, с проведением железной дороги через Маньчжурию, с отказом выполнить обязательство по выведению войск. Россия (конечно, официальная) держала себя явно вызывающе на Востоке. Руководители ее политики там — Безобразов, Абаза и Алексеев были убеждены, что Япония не рискнет на войну, а если бы и рискнула, была бы «закидана шапками» без всякого труда. В Петербурге — сам Плеве жаждал такого безопасного столкновения с Японией: легкими лаврами можно было украсить столп абсолютизма, штыками победоносной армии, обожающей верховного вождя, пригрозить смуте и революции. А этот «верховный вождь», который потом комично благословлял иконами идущие на восток войска, лепетал что-то нашептанное

ему о стремлении к теплomu морю, о коварстве дерзкого врага, но в душе злорадно горел соблазнительными обещаниями Плеве и Безобразова и подчинялся действительно коварным внушениям Германии, для которой всякий исход войны был бы чистым выигрышем.

Самое начало этой позорной войны, ее ход, состоявший из длинного ряда поражений русских войск, воровство интендантства, призывы к терпению и терпению Куропаткина, индейки и куры Стесселя, коровы Штакельберга, бегство Гриппенберга, хулиганства Кириллов и Борисов — все это держится в сознании и без напоминания. Тюренчен, Ляоян, Шахе, Порт-Артур, Сандепу, страшный Мукден и еще более ужасная Цусима — огнем и кровью вписаны в наших сердцах — и только тому, кто должен был быть впереди всех на войне, но остался позади с иконой в кощунственных руках, все эти удары казались «укусами блохи».

Любопытно вообще отметить, что Николай, в конце концов, весьма мало интересовался и самой войной, и ее ходом. Ему внушили уверенность в несомненной легкой победе над Японией, и поражения представлялись ему долгое время первыми случайными неудачами. Генерал Рыдзевский, исполнявший должность министра двора, рассказывает, что в день гибели «Петропавловска», после панихиды по Макарове, Николай беззаботно и весело обратился к нему, указывая в окно: «Какая погода! Хорошо бы поохотиться, давно мы с вами не были на охоте...» А через полчаса он уже увидел Николая стрелявшим в саду ворон из небольшой винтовки. С той же развязностью встречал Николай и дальнейшие поражения своей армии, уклонялся от докладов и разговоров о войне, о причинах неудач, словно его сознание не вмещало масштабов неудач и потерь, словно эти ужасы, разыгравшиеся на расстоянии 8000 верст, были не настоящим, не действительностью, а последняя ограничивалась узкими пределами царскосельского дворца и парков.

Но на общество дальневосточная катастрофа, сама постыдная война, производила совсем иное впечатление. Из отчаяния и апатии оно постепенно переходит в резкое возбуждение. И в печати, и на собраниях все явственнее раздаются голоса, что пора положить конец государственному позору. Со второй половины 1904 года сгущаются события, указывающие наступление внутренних осложнений. Жертвы на войну прекращаются, подвиги интендантов и растраты таких неисправимых хищников, как

Сухомлинов (растрата 55000 р.), беззаботная дикость правительства внутри становились достоянием общественного обсуждения и напрягали озлобление. Русское общество было готово к решительному перевороту, но это приуготовление было просмотрено правящими кругами. Организовался рабочий пролетариат, спланировалось крестьянство в попытках аграрных движений. Учащаяся молодежь перешла от демонстраций и манифестаций к устройству университетских забастовок. Лица разнообразных профессий группировались в союзы, ставившие целью и прямо политическую пропаганду. Формулировались зародыши будущих политических партий.

15 июля 1904 года в Петербурге, близ Варшавского вокзала, был уничтожен разрывным снарядом, брошенным ст. Сазоновым, — Плеве. Это был непоправимый удар для самодержавно-воинствующей реакции. Она теряла своего активнейшего руководителя и вдохновителя, а в то же время и всякий смысл, поскольку покушение на Плеве организовано было одним из довереннейших его же агентов инженером Евно Азефом, с которым вместе они незадолго перед тем устроили «политическое» убийство уфимского губернатора Богдановича, мешавшего Плеве в какой-то любовной интриге. Растерявшееся правительство вынуждено было пойти хотя бы на показную уступку обществу. 26 августа министром внутренних дел был назначен Д. П. Святополк-Мирский, который в основу своей деятельности обещал положить искренне доверчивое и благожелательное отношение к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Действительно, на первое время как будто бы грубые репрессии прекратились; амнистия, дарованная 12 августа по поводу рождения у Николая долгожданного сына, истолкована была довольно широко. Но эта «эпоха доверия» и «весна русской жизни», как стали называть тогда управление этого министра, проходили крайне непоследовательно, и «приятные улыбки» сменялись свирепыми выходками, как, например, подавление демонстрации в Петербурге 28 ноября. Жесты доверия и уступок раздражали против Святополк-Мирского — глухих реакционеров, а общество стремилось к коренной государственной реформе. Правительство садилось между двух стульев. Ноябрьский земский съезд в Петербурге, политические банкеты, состоявшиеся по случаю сорокалетия судебной реформы, Московская городская дума определенно вынесли резолюции

о необходимости создания народного представительства. Под этим натиском власть издает двуликий акт 12 декабря. В высочайшем указе сенату намечена была группа реформ: укрепление полной силы закона, расширение самостоятельности земских и городских учреждений на более демократических началах, введение мелкой земской единицы, самостоятельность суда, отмена излишеств цензуры, смягчение исключительных законов об иноверцах и инородцах, государственное страхование рабочих, объединение законов о крестьянах с общим законодательством. Но помимо того, что эти запоздалые преобразования возлагались на бюрократические силы (комитет министров), а потому и не могли успокоить общественное возбуждение, вторая часть акта аннулировала и эту минимальную дозу готовности правительства пойти навстречу народным желаниям. В официальном сообщении воспрещалось земствам и городским думам обсуждать общеполитические вопросы и грубо осуждалось требование изменений веками освященных устоев. Колебания беспринципного правительства вместо умиротворения вносили еще больше возбуждения в общество. К буржуазно-интеллигентскому освободительному движению присоединяется могучее движение рабочее, которое подготовлено было зубатовщиной и преемницей ее, гапоновщиной. Георгий Гапон — священник, служивший вместе охранке и полиции и рабочему подъему. С разрешения властей он основал в Петербурге огромное общество рабочих, среди которых он внедрял идею, что монархия не противоречит требованиям рабочего класса — и внушал им, что они не должны вмешиваться в политику, а дружно и организованно добиваться улучшения своего материального положения. В первые дни 1905 года Путиловский завод уволил нескольких рабочих. Гапоновское общество потребовало их приема обратно. На отказ путиловской администрации Гапон ответил объявлением стачки, в которой приняло участие до 150000 рабочих. В воскресенье 9 января Гапон, в расчете стать и народным героем, и отличиться перед верховной властью, устроил грандиозное шествие рабочих из 11 районов общества к Зимнему дворцу для подачи просьбы Николаю. В петиции поставлены были экономические и политические желания рабочих: 8-часовой рабочий день, свобода слова, печати, стачек и т. д. Толпы рабочих с женами и детьми, неся впереди хоругви, иконы и царские портреты, с пением «Спаси, Господи, люди твоя» направились к дворцу. Гапон был

здесь же с крестом в руке. Но когда народ собрался в достаточном количестве, по приказу Николая выскочили спрятанные войска и открыли по безоружным просителям ружейный и пулеметный огонь. Было убито, ранено и искалечено рассвирепевшими жандармами и казаками очень много народа. Гапон сумел скрыться и обратился к рабочим с призывом к революции, а к Николаю с письмом, полным угроз и проклятий. 11 января для усмирения Петербурга — генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями был назначен Д. Трепов — этот «по воспитанию вахмистр и городской, а по убеждению погромщик», а вслед за тем Святополк-Мирский отставлен и заменен Булыгиным (20 января), деятельным помощником московского генерал-губернатора Сергея Александровича в деле насаждения зубатовского полицейского социализма. Несмотря на то, что стало известным, что комитет министров приступил к разработке положений декабрьского указа, дворянские и земские собрания, городские думы настойчиво обращались к императору с адресами о необходимости созыва народных представителей. Боевая же организация социально-революционных партий выступила с новым террористическим актом. 4 февраля И. П. Каляев уничтожил метательным снарядом московского генерал-губернатора Сергея Александровича при проезде его через Кремль. Оставшись на месте, Каляев дал себя арестовать и, будучи предан суду, заявил, что считает долгом своей политической совести отказаться от помилования. Правительство Николая было ошеломлено убийством Сергея, но, расправившись с Каляевым, оно не решилось открыто мстить обществу за этот тяжкий удар. Напротив, уже 18 февраля опубликованы были лицемерно-благovolительные акты с расчетом отвлечь от революции буржуазно-благочестивые элементы. Это были — высочайший манифест, в котором все русские люди, верные заветам родной старины, приглашались сплотиться вокруг престола, и высочайший рескрипт на имя Булыгина — о намерении привлечь достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений. Для осуществления этого было образовано особое совещание под председательством Булыгина, которое и приступило к выработке первого положения о Государственной думе. Между тем война с Японией складывалась в это время все плачевнее и безнадежнее, правительству не на что было в этой

области опереться. Поэтому в марте пришлось приостановить применение в Финляндии нового устава о воинской повинности, а в апреле опубликовать высочайший указ об укреплении начал веротерпимости. Но общество уже слабо реагировало на эти уступки. В различных своих частях оно неуклонно продолжало организовываться. Развиваются настоящие рабочие союзы: печатного дела в Петербурге, типографчиков в Москве, щетинников в Северо-Западном крае. Они действуют почти открыто, и полиция их уже не трогает. За ними идут: всероссийский почтово-телеграфный союз, железнодорожный — и далее уже союзы интеллигентские, с определенной политической окраской: инженеров, писателей, учителей, академический и т. д., которые выступали открыто, публиковали свои уставы. В последних почти постоянно включалось требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего голосования. Возникает идея объединения всех профессионально-политических союзов в один союз союзов, который и создается в феврале еще в Петербурге, а 8–9 мая в Москве состоялся первый общий съезд представителей союзов, признавший союз союзов организацией всероссийской. В апреле в Москве собирается земский съезд, в мае — новый таковой же, особенно многолюдный и значительный. На нем, под впечатлением цусимской катастрофы, решено было избрать депутацию к Николаю, которая последним принята была 6 июня. Обращение к Николаю делал кн. Сергей Трубецкой. Он говорил о необходимости приобщения к политической жизни всех слоев и элементов населения без различия сословий, веры и национальности, о необходимости осуществления народного представительства — в видах объединения и мира внутреннего. Николай по внешности был растроган, «обласкал» депутатов и отпустил <с> подтверждением близкого созыва выборных от народа. Но впечатление от приема получилось довольно тусклое — и депутаты возвратились по домам без бодрой уверенности. И действительно, следующий же земский съезд, созванный в июле в Москве, был распоряжением вошедшего в силу Трепова (товарища министра внутренних дел) разогнан, а его инициаторы были преданы суду. В течение лета, в то время как в Портсмуте шли переговоры о мире с победившей нас Японией, к различным проявлениям глубокого общественного недовольства и недоверия присоединились волнения в армии и флоте. Мятеж, поднятый черноморским броненосцем «Потемкиным», обстреливавшим

Севастополь и ушедшим потом в Румынию, передался и в Балтийское море, выразившись в крупных флотских беспорядках в Либаве и Кронштадте. До самой осени шла усиленная мобилизация общественных сил для завоевания политической свободы: организовались политические партии, происходили многочисленные митинги — подготовлялась всеобщая политическая забастовка, которая уже в конце сентября стала неизбежной. С 4 по 19 октября мы имеем 163 известия о присоединениях к ней. Все общественные группы и организации постепенно примкнули к ней. Определенно разразилась всеобщая стачка с 10 октября. Столицы и города словно вымерли. Ночью на улицах было темно, как в Средние века. Провинция была отрезана от центров. Двор и правительство тогда охватила действительная паника, в трепете которой пришлось ухватиться за тот, казалось, единственно спасительный выход, который настойчиво указывал возвратившийся из Портсмута Витте (теперь уже граф). В поданной им докладной записке, а потом и лично он предлагал Николаю удовлетворить назревшие желания общества и восстановить внутренний мир на основе начал гражданской свободы и правового порядка, отказавшись от действий против оппозиции военной силой. Николай, который подумывал уже о бегстве, принял предложение Портсмутского героя и предложил ему составить соответствующий манифест. В сотрудничестве с кн. Ан. Оболенским и Вуичем Витте выработал знаменитый текст, 17 октября подписанный Николаем, который, ни жив ни мертв, отсиживался в Петергофе. После подписания манифеста — во дворце произошла бурная сцена: великие князья нападали на Николая чуть не с кулаками, женская половина истерически рыдала. И сановники, и чиновники, завидуя славе Витте, назначенного вместе с изданием манифеста о введении свобод и предоставлении Государственной думе законодательных функций, председателем первого «конституционного» Совета министров, также ополчились против него, упрекая его за торопливость и карьеризм. Поскольку Николай совсем не был сильной натурой, которая могла бы противостоять родственным и дворцовым влияниям, не был и трезвым умом, который мог бы отличать мнения придворных от требований народа, поскольку, далее, сам он в этом важнейшем акте своего царствования действовал лишь из страха и по обыкновению неискренне, постольку манифест 17 октября повисал в воздухе, как ненужная никому

тряпка. Без фактического осуществления обещанных свобод, с отсрочкой созыва Думы на неопределенное время, он не удовлетворял революционного общества, не вносил успокоения, а в то же время его положения раздражали Двор и правительство и должны были побудить неофициального диктатора Трепова и поддерживавшего его великого князя Владимира к решительному выступлению, к подготовке симуляции контрреволюции как гласа народа, ожесточившегося ущербом самодержавия. И в то время как оставшийся одиноким в среде придворных Витте пробовал совещаться с Шиповым, Евг. Трубецким, С. Урусовым, — Трепов уже делал свое страшное дело, заручившись полным согласием Николая, который подписывал все, что ему подсовывали, клялся торжественно во дворце в несокрушимости самодержавия, посылал генерал-адъютантов и карательные отряды во все концы России, назначал министром внутренних дел Петра Дурново, а Трепова брал поближе, в дворцовые коменданты, давал ему право руководить Департаментом полиции, снабжал средствами для погромов, называя их «организацией общественных сил», и провокатора Рачковского производил в генералы. Нет никакого сомнения в том, что значительная (если не вся) доля вины в организации кровавой бани для новорожденной конституции по городам и селам многострадальной России лежит на Николае, быстро перешедшем с помощью Трепова от отчаянного ужаса к обычной злобной мстительности и коварству. Повсюду действовали одними и теми же приемами. Жандармские отделения получали инструкции и деньги. Губернаторы получали предложения допустить патриотическую манифестацию с участием военных и духовенства. Служился молебен. Сыщики, хулиганы и переодетые полицейские требовали в качестве «народа» посылки царю патриотических депеш. По получении высокомиловитого ответа — начинался погром с убийствами, поджогами, разбитием винных лавок. Громили три дня, а на четвертый все, как по мановению ока, прекращалось, и губернаторы вводили обязательные постановления о недопущении сборищ. За эту страшную октябрьскую неделю 1905 года убито было по разным городам до 4000 ч., изувечено и избито более 10000, разграблено и разгромлено имущества на сотни миллионов рублей. В некоторых городах (не в столицах, где операции Трепова носили партизанский характер) погромы, к удовольствию Николая, проходили особенно удачно. Так,

в Томске по приказу губернатора, бывшего вора-рецидивиста Азанчевского-Азанчеева и с благословения архиерея (будущий московский митрополит Макарий), — был подожжен театр, где и сгорело до 1000 человек. В Минске губернатор Курлов заманил мирную толпу к вокзалу и произвел настоящую бойню. В эти дни на подлых избиениях русского народа делали свои блестящие карьеры — такие герои, как фон дер Лауниц, Климович, Цихоцкий, Будоговский.

Россия была ошеломлена треповщиной, тем антигосударственным способом выхода из критического положения, которым воспользовался Николай и его правительство. Нахлынула новая волна негодования, которое толкало к резким выступлениям, подавление их поднимало престиж твердой власти, окрыляло надежды черных сотен, а прежде всего самого Николая. Превращая погромную деятельность из спорадической в хроническую, изобретательный Трепов приуготовлял сознательно новую стадию революции, которая выразилась в организации в различных местностях для самозащиты — вооруженных восстаний. Восстания на черноморской эскадре, в Прибалтийском крае, на Кавказе, аграрные бунты в центральной России, сибирское движение, наконец, московское вооруженное восстание — вот что наполняет собой конец 1905 года. Для борьбы с «революцией» — в мятежные области снаряжались особые карательные экспедиции, напутствуемые благословениями Николая и циркулярами начальства, обещавшими безответственность и взывавшими: патронов не жалеть и арестованных не иметь. Рассказывать вновь о подлых неистовствах, звериных насилиях и избиениях, в которых захлебывались одичавшие от вседозволенности эти генералы и офицеры, все «милые» Николаю люди и его собутыльники: Дубасовы, Орловы, Безобразовы, Меллеры, Ренненкампы, Соллогубы, Мины, Рудовы и т. д. просто не хватает сил. Лишь извращенная натура Николая могла отзываться на донесение о зверствах карателей злорадным смешком и репликой: «Это щекотно!» (*Celà me chatouille!*).

3

Как ни старалось правительство оттянуть срок выборов в Государственную думу, как ни муссировалось с этой целью впечатление московского восстания и непрекращавшихся,

хотя и частичных, стачек, срок этот наступал. Созыв Думы под-сказывался и необходимостью восстановить кредит на Западе, подорванный и неудачной войной, и революцией. 11 декабря 1905 года издан был закон, который, не изменяя основ избирательной системы, провозглашенных 6 августа, сделал к ней некоторые дополнения, дав право участия в выборах общественным группам, — ранее его лишенным, — промышленным рабочим и демократическим слоям городского населения. Но несмотря на эти частные поправки, избиратели оставались разделенными на два обособленных друг от друга разряда, и распределение голосов между ними ставило главные массы трудового населения в неблагоприятное положение сравнительно с другими классами общества. И характер этой избирательной системы, противоречивший широко распространившемуся требованию всеобщего равного и прямого избирательного права, и неопределенность объявленных прав Государственной думы, и, наконец, самый способ действий правительства, и после 17 октября мнившего себя самодержавным и сурово расправлявшегося с народными движениями, заставили целый ряд партий и организаций придерживаться лозунга «бойкота» Думы. Революционное движение продолжалось и в 1906 году, но некоторые силы, ранее участвовавшие в нем, стали отходить от него. Промышленники, поддерживавшие политические требования рабочих, переменили позиции, когда сплотившийся пролетариат выступил с определенной программой. К правительству потянуло и большинство поместного дворянства, напуганного аграрным движением. Либеральная оппозиция, успевшая за вторую половину 1905 года сорганизоваться в несколько партий с несомненным главенством партии конституционных демократов, считала, что основная задача революции достигнута, и все дальнейшие надежды возлагала на парламентскую борьбу. Поэтому она всю энергию обратила на подготовку выборов в Думу и на борьбу с «бойкотистами». Правительство, указом сенату от 12 февраля назначив срок созыва Думы на 27 апреля, уже 8 марта издало специальные правила против бойкота выборов, подводя его под преступление, караемое четырех-восьмимесячной тюрьмой. Другой рукой, однако, оно принимало меры и к тому, чтобы обеспечить себя от Думы и обезвредить ее. Сам Николай, под влиянием камарильи, настаивал просто на том, чтобы было оказано давление на выборы, «как это делается во всей Европе», но терявший уже

свой авторитет Витте сумел все-таки предотвратить такой позор. Но косвенные меры для обессиления будущей Думы все-таки были приняты. Законом 20 февраля наряду с Думой был поставлен в качестве верхней палаты Государственный совет, наполовину из членов по назначению от короны, наполовину из выборных от дворян, крупных землевладельцев и промышленников, высшего духовенства и ученых учреждений. Права такого Совета вполне приравнивались к правам Думы. Помимо того, что были предусмотрены случаи установления законов монархом по представлению Совета министров при чрезвычайных обстоятельствах и во время прекращения занятий Думы, самый созыв Думы, ее досрочный роспуск, сроки сессий определялись волей монарха. Важное значение имел и закон, изданный 8 марта и ограничивавший существенным образом права Думы в области бюджета и почти аннулировавший права ее в сфере государственного хозяйства. Вместе с тем правительство успело издать и ряд временных правил, ограничивавших данные в манифесте 17 октября обещания свободы совести, слова, собраний и союзов. Наконец, всего за несколько дней до начала деятельности Думы был опубликован вновь составленный свод основных законов государства, на которые не должна распространяться инициатива Государственной думы. Таким образом правительство забронировалось от всяких нападений со стороны quasi-законодательной Думы, а для сохранения за собой полной свободы действий оно успело заключить за границей, на тяжелых для страны условиях, крупный заем в 850 млн р. Для того, чтобы и в таком изуродованном «quasi-парламенте» получить удобный для себя состав, правительство все-таки не удержалось в границах политического приличия и пустило в ход административное воздействие, надавливая на выборы, стесняя полицейскими мерами выборную агитацию. Но несмотря на все эти усилия, выборы приняли ярко-оппозиционный характер. Социалистические партии не приняли в них участия (исключая некоторых местных с.-д. организаций). Наиболее видное место заняла в Думе к.-д. партия (около 180 депутатов). За нею — левее протянулась трудовая группа (главным образом из крестьян, 94 депутата) и 17 соц.-дем. депутатов. Правую сторону составили мирнообновленцы, октябристы. Откровенных правых среди членов Думы было очень мало, и они совсем терялись в сплошной массе оппозиции. Правительство (в лице

П. Дурново) попробовало было организовать под руководством депутата Ерогина (бывшего офицера) правую крестьянскую партию, но эта затея кончилась полным провалом. Таким образом, правительство понесло тяжкое поражение на выборах: оно должно было уйти, так как Витте-Дурново не могли встретиться с народным представительством, стоявшим за необходимость конституционного режима. Но уходя оно все-таки сделало последнюю попытку нарушить наступавшее успокоение. Азефу поручено было устроить убийство или покушение на московского генерал-губернатора Дубасова. Бомба была брошена, но генерал остался жив. Случайное же совпадение аплодисментов на съезде кадетов с вестью о покушении дало повод правительству обвинить партию чуть ли не в людоедстве, а Думу представить Николаю как революционно-террористическое сборище.

Гр. Витте на посту председателя Совета министров заменил, к общему недоумению, Горемыкин, старый жуир и ловелас, глубоко равнодушный ко всему, кроме женщин и денег, а министром внутренних дел был назначен бывший саратовский губернатор П. А. Столыпин.

27 апреля Дума была открыта краткой и невнятной тронной речью, которую произнес Николай в Зимнем дворце. Речь эта хорошо памятна, чтобы ее пересказывать. Вялость выражений, вотчинный взгляд на государство, замалчивание правды о воле народной, постоянное взывание всуе ко Господу, полное умолчание об амнистии — все это определило единодушное отношение Думы к царским, неискренним словам. Депутаты ответили Николаю хмурым молчанием.

При всей оппозиционности Дума в подавляющем большинстве своего состава горела желанием и готовностью заниматься мирной законодательной работой, с твердой уверенностью, что такая работа по коренному переустройству условий русской жизни пойдет плодотворно, несмотря на возможные частичные конфликты с реакционной властью. Руководящую роль в Думе играла партия народной свободы, из среды которой был выдвинут и президиум ее: председатель — С. А. Муромцев и тов. председателя — кн. Петр Долгоруков и В. А. Гредескул. Николай и его правительство, верные своей политике оттягивания и обмана, задумывали, после выполнения Думой первых формальностей, распустить ее на первый раз до осени, но из переговоров с председателем выяснилось, что этот план не проходит. Тогда

правительство, явно глумясь над Думой, предложило на ее рассмотрение вопрос о постройке прачечной и оранжерей в Юрьевском университете. Усмотрев в этом предложении насмешку, Дума поспешила сама перейти к наиболее жгучим вопросам, на почве которых конфликт с правительством был неминуем. Он и создавался с первых же дней думских заседаний.

Первой речью, раздавшейся из уст депутатов в Таврическом дворце, было заявление И. И. Петрункевича о необходимости амнистии по религиозным, политическим и аграрным преступлениям. Другой вопрос, выдвинутый Думой на первых же порах, — был вопрос аграрный, а третьим была забота Думы — обеспечить России политическую и гражданскую свободу и ответственное министерство. Из этих трех задач составилась и ответный ее адрес на тронную речь. 13 мая председатель Совета министров Горемыкин прочитал в Думе декларацию в ответ на адрес ее. Это было прямое объявление войны Думе. Горемыкин заявлял, что высказанные Думой пожелания частью выходят за пределы ее компетенции, частью не разделяются правительством и недопустимы, в особенности аграрная реформа, предположенная Думой. Декларация вызвала в Думе бурю негодования, закончившуюся выражением полного недоверия министерству и пожеланием немедленного его выхода в отставку. Правительство выслушало эту отповедь и осталось на месте. Оно продолжало вести себя так, как будто бы с созывом Думы ничего не изменялось, как будто Дума только детская забава. Когда Дума обращалась к министрам с запросами по жалобам населения на беззакония и насилия местных властей, на погромы и попустительства к ним, министры отвечали, что ничего в этих действиях незаконного они не усматривают. Дума возбудила вопрос об отмене смертной казни в законодательном порядке. Правительство заявило, что оно считает такую отмену несвоевременной. И хотя Дума 19 июня все-таки выработала и единогласно провела законопроект о полной отмене смертной казни, было ясно, что этому проекту не удастся стать законом, и казни по-прежнему свирепствовали в стране. Министры все-таки относились к Думе как к сборищу прислуги. Не в меру бойкий и самоуверенный Столыпин наускаивал на Думу и покрикивал, сверкая глазами и покручивая усы. Министр финансов Коковцов милостиво заливал депутатов водой своих бездонных речей, в приятном сознании, что крупный заем уже

лежит в казначействе. Хотя такой «палач», как военный прокурор Павлов, систематически изгонялся вон за свое отстаивание казни, но Думе приходилось терпеть и такие балаганные выступления, как заведомого мошенника Гурко, сообщника ватерклозетчика Лидваля и приятеля императора Николая. Этот полуминистр, ограбивший вместе с клозетчиком голодающих крестьян, выступил в Думе от правительства по важнейшему, возбужденному ею вопросу земельному, который заставил насторожиться прежде всего царя и великих князей как самых крупных землевладельцев в России. На этой почве и произошел окончательный разрыв между Думой и правительством. Когда, несмотря на попытки таких агентов, как Гурко, перетянуть на сторону правительства депутатов-крестьян, выяснилось, что почти вся Дума стоит за обращение на народные нужды казенных, удельных, кабинетских, монастырских и принудительное отчуждение земель частных владельцев, было опубликовано правительственное сообщение (20 июня), в котором категорически указывалось на неправильность пути, избранного Думой в разрешении аграрного вопроса и на невозможность осуществления земельной реформы. Это антиконституционное вмешательство в деятельность парламента было явным вызовом Думе со стороны вновь поднявшего голову правительства. В страшном возбуждении и негодовании Дума решила в противовес «сообщению» обратиться к народу с заявлением, что Дума не отступит от тех оснований разрешения земельного вопроса, которые указаны в адресе; вместе с тем население призывалось спокойно ожидать окончания работ Думы. Это воззвание было принято после горячих дебатов в Думе — 8 июля, а в ночь на 9-е был подписан манифест о роспуске Думы и созыве новой на 20 февраля 1907 года. Вместе с этим решением проходила и перемена в составе правительства: старый и нерасторопный Горемыкин заменен был на посту председателя Совета министров — молодым и притким Столыпиным, сохранившим за собой и портфель внутренних дел. Столыпин поспешил принять меры против возможного протеста действиям правительства. В Петербурге были закрыты все социалистические газеты, произведены массовые аресты и в город стянуто значительное количество войск. Провинциальным властям разосланы были секретные телеграммы об охране правительственных и железнодорожных сооружений, телеграфов, банков, складов оружия,

немедленном обыске разного рода организаций и принятии твердых мер к обузданию печати. В ту же ночь с 8 на 9 июля Таврический дворец был занят войсками.

Для членов Думы, председателя которой Столыпин известил о своем желании 10 июля дать объяснения на запрос о происшедшем 1 и 2 июня с соизволения центральных и местных властей — еврейском погроме в Белостоке, роспуск явился совершенно неожиданным. Среди возбуждения кадетское большинство предложило членам Думы ехать в Выборг и устроить там совещание. Трудовики предлагали Думе объявить себя Учредительным собранием и ждать разгона при помощи штыков. Возобладало первое предложение. В Выборг прибыло до 180 депутатов, которые в гостинице Бельведер — 10 июля выработали так называемое выборгское воззвание. В нем, ссылаясь на неправомерность правительства без согласия представительства собирать налоги и призывать народ на военную службу, подписавшие убеждали население до созыва Думы не давать солдат и не платить налогов, а также считать незаконными все займы, которые сделает правительство без участия Думы.

Правительство, поразившее Думу и проведшее революцию из-за угла, находилось все-таки в великом трепете. Николай с семьей готов был при первой опасности бежать куда-то, и все лето стояла наготове какая-то флотилия нерусского происхождения. В официозе «России» делались указания на возможность иностранного (германского) вмешательства в русские дела. Но опасения оказались тщетными. Выборгское воззвание, за активное проведение которого в жизнь не стояли даже сами подписавшие его, не получило широкого распространения. Не разгорелось и общих открытых восстаний против роспуска Думы, поскольку революционная энергия народных масс к лету 1906 года ослабела. Попытки всеобщей забастовки, которой опасалось правительство, не прошли. Наступает период первого междудумья, заполненный той ощерившейся и мятущейся реакцией, которую напрягал беспринципный и беззастенчивый Столыпин. Положение последнего было не из веселых: необходимо было и конституционный декорум соблюсти, и черным сотням дать некоторую волю, чтобы отомстить революции и терроризировать ее, и, наконец, самому удержаться на месте. Первая линия была двинута им настолько комически, что это его приглашение Н. Львова, гр. Гейдена, Д. Шилова войти в его

кабинет встречено было только всеобщим смехом. Николай, принимавший Н. Львова в каком-то шутовском костюме, в малиновой рубашке и шароварах, конечно, и слышать не хотел ни о каких уступках: ему эти идеалисты были чужды и противны. Ему близки были те темные силы, тот отвратительный «союз русского народа», знак которого он надел на себя, не понимая неприличия партийности для монарха. Эти людишки, обласканные доверием последнего, осмелели и вернее на свой страх, чем по прямому поручению правительства, убили сначала в Териоках виднейшего финансиста первой Думы Герценштейна, а потом в Москве выдающегося публициста, тоже первоумца, Иоллоса. Истинные устроители этих злодейств только теперь, после уничтожения старого позорного режима, будут наконец установлены. Зато нельзя сомневаться в том, что еврейский погром в Седлеце устроен был под диктовку из Петербурга, так как и главный его руководитель, полковник Тихановский, и войска седлецкого гарнизона получили высочайшие благодарности и всякие награды вместо суда и наказаний. Правительство, опираясь на черные сотни, первое начинало открытую войну. Левые края общества отвечали на это рядом политических убийств и террористических актов. 20 июля был убит в Самаре губернатор Блок. 12 августа на даче Столыпина, в Аптекаарском острове, неизвестными, переодетыми в форму жандармских офицеров, были брошены бомбы. Дача была почти уничтожена, убито было 30 человек, между ними и сами бомбисты. Но Столыпин остался невредим. 13 августа в Петергофе был уничтожен меткой пулей Коноплянниковой — семеновский генерал Мин, громивший Москву в декабре 1905 года. В ту же зиму 1906 года были убиты один за другим военный прокурор, генерал Павлов, глава камарильи, гр. Игнатьев, петербургский градоначальник фон дер Лауниц — все любимцы Николая и близкие ему люди. Все почти эти акты совершены были так называемыми максималистами, новой фракцией, выделившейся из партии социал-революционеров. В широких размерах производились ими же экспроприации в банках, на почте, в кассах и винных лавках. Особенно нашумело ограбление кареты Государственного банка, везшей свыше 300000 руб. по Фонарному переулку (13 октября). Для борьбы с революционным движением у правительства было только одно средство — репрессия с переводом тех или иных местностей то на усиленную и чрезвычайную охрану, то на во-

енное положение. К концу года почти вся Россия находилась в таком исключительном положении. Но Столыпину приходилось считаться в этом году и с рядом настоящих революционных вспышек. Еще в июле в Свеаборге загорелся мятеж солдат. Восставшие захватили несколько фортов. Началось настоящее сражение между частями гарнизона. На помощь повстанцам явились финляндские рабочие, объявившие железнодорожную забастовку. Присоединилась к мятежу и революционная финляндская «красная гвардия», на улицах Гельсингфорса вступившая в бой с русскими войсками. Бились день, бились два, и инсургенты принуждены были сдаться. В тот же день, однако, восстание перекинулось в Кронштадт, где также было потом подавлено. Николай был взбешен этими мятежами и настаивал на беспощадном истреблении всех сдавшихся мятежников. Подобно римскому Калигуле, он жалел, что всех их сразу нельзя утопить в заливе. В угоду «кровавому» царю Столыпин озаботился редактированием некоторых статей военно-судебных уставов, значительно увеличив наказание военным за политические преступления. 20 августа были утверждены в пор. 87 ст. основных законов, законы об усилении кар за пропаганду в войсках и о введении военно-полевого и военно-морского суда. Эти суды учреждались командующими войсками в местностях, объявленных на военном положении. Суд, состоявший из простых офицеров (не юристов), без следствия приступал к делу и обязан был решать его не долее, как в два дня. Не более, как еще через сутки, приговор приводился в исполнение. Уже в первые полтора месяца казненных по такому каннибальскому суду оказывалось свыше 160, а потом ежемесячно убивали таким способом по сотне людей. Казни и тяжкие кары объявлялись и приговорами военно-окружных судов. Входят в употребление — крупные штрафы, налагавшиеся на целые селения за преступления кого-либо из сельчан. В это время и выступил с своими призывами к правительству опомниться Лев Толстой, выразивший то всенародное негодование, которое вызывал столыпинский режим. Но это негодование усиливалось и теми «внутренними» реформами, которые тот же ретивый министр спешил протащить, пока не собралась новая Дума. Для разрешения земельного вопроса еще законом 4 марта созданы были землеустроительные комиссии для содействия Крестьянскому банку в скупке земель для перепродажи их крестьянам. Затем

(по 87 ст. осн. зак.) издан был ряд важных указов: 9 августа были переданы Крестьянскому банку за особое вознаграждение удельные земли, 27 августа — казенные земли, 19 сентября — кабинетские земли Алтайского округа для продажи крестьянам. Но эти меры не согласовались с требованиями прогрессивных партийных программ как относительно безвозмездности отчуждения, так и способов передачи их в руки крестьян. 9 ноября издан был указ, направленный к облегчению выделения земельных наделов отдельных крестьян из состава общинной земли с установлением права отдельных домохозяев требовать выдела вопреки желанию общины. 15 ноября разрешено было Крестьянскому банку выдавать домохозяевам ссуды под залог наделной земли. Последние два указа имели целью расслотить крестьянство, оказавшееся в массе, вопреки ожиданиям, оппозиционным, и выделить из его среды слой более сильных имущественно домохозяев, который мог бы послужить опорой для консервативной политики правительства.

Уже осенью 1906 года столыпинское правительство приступило к подготовке выборов в Государственную думу. При помощи сенатских «разъяснений» к статьям 11 декабря удалось лишиться избирательного права и часть крестьян, и рабочих-квартиронанимателей, и государственных, и находившихся под судом политических (в том числе 180 «выборжцев»). Еще более граждан оказалось неизбираемыми. Избирательная агитация разрешалась только для правых партий. Нелегалезованные партии, в том числе и к.-д. партия, были весьма стеснены. Тем не менее в конечном итоге выборов состав второй Думы получился еще более оппозиционный, чем состав первой. Центр ее составили по-прежнему к.-д. (91), которых поддерживало польское коло. Вправо — 50 беспартийных, далее 40 октябристов и, наконец, 12 правых (союзников и монархистов). Влево, поскольку на этот раз и социалистические партии не уклонились от выборов, — шли 100 трудовиков, 65 социал-демократов, 15 народных социалистов и 36 социал-революционеров. 20 февраля 1907 года вторая Дума открыла свои заседания, избрав председателем к.-д. Ф. А. Головина, а его товарищами М. Е. Березина (трудолик) и Н. Н. Познанского (левый). Такая Дума правительству Николая и Столыпина была совсем не нужна. Для Николая было ясно, как он потом и выразил это в разгонном манифесте, что эти люди пришли — «с явным

намерением увеличить смуту и способствовать разложению государства», под которым он разумел или себя, или благополучие своей спальни. Столыпин, хотя и говорил лицемерно в своей декларации о стремлении обратить Россию в правовое государство и просил у Думы содействия в проведении реформ на почве уважения к принципу собственности, однако этой лжи никто не поверил, как не верил ей и сам Столыпин. Дума отвечала, что она не намерена обсуждать декларации и довольствуется напоминанием, что народ своими выборами вынес правительству обвинительный приговор. Поэтому правительство, принужденное скинуть маску, заняло сразу боевую позицию по отношению к Думе. Оно определенно купило «правых» в Думе, которые в своих органах («Русское знамя», «Вече») не скрывали, что конституционный строй несовместим с самодержавием и что Дума должна быть уничтожена. Им поручено было свыше вызвать Думу на какое-нибудь резкое выступление. Отсюда провокационные ротации — вроде порицания политических убийств, от которого едва спаслось думское большинство. Отсюда и парламентские скандалы, вызывавшиеся Пуришкевичем, Келеповским, Сазоновичем и др. Думу подстерегали на каждом шагу, но к.-д. партия, запуганная угрозами правительства, заранее решила «беречь Думу», избегала резких конфликтов, пошла на утверждение бюджета и затребованного правительством контингента армии, временами шла на сближение с правыми против левых. Но уже один факт присутствия в Думе социалистов, энергично развивавших свою пропаганду, раздражал правительство и стоявшие за ним дворянские круги. Вопреки принципу неприкосновенности депутатов, правительство заявляло о привлечении то того, то другого левого члена Думы и всеми способами тормозило деятельность Думы. Первый конфликт произошел при обсуждении утверждения контингента рекрутов. С.-д. Зурабов, протестуя против требования, довольно резко отозвался о нашей армии. Он был исключен на одно заседание. Но правительству это показалось недостаточным, и оно выдвигало вопрос о роспуске Думы. Инцидент замяли, но судьба «социалистической» Думы была решена. В начале мая был внесен в Думу запрос министру внутренних дел по поводу слухов о заговоре против жизни царя. Столыпин заявил об основательности этих слухов, и Дума перешла к очередным делам, выразив негодование

по поводу преступного замысла. Во время этого обсуждения левые в зале отсутствовали. 1 июня Столыпин потребовал закрытого заседания, в котором предложил немедленно устранить из Думы всех социал-демократов и арестовать 16 из них за участие в «преступном заговоре». Дума, соблюдая еще лояльность, передала требование в комиссию для скорейшей проверки степени его основательности. Николай не пожелал, однако, дожидаться результатов работы комиссии и 3 июня разогнал Думу, «не оправдавшую его ожиданий», как он писал в своем манифесте. Но на этот раз дело не ограничилось только роспуском: правительство уже убедилось, что при старой избирательной системе ему не удастся получить иной Думы, кроме оппозиционной, что от крестьянства ему ждать нечего, а потому, ввиду настоящих дворянства, вопреки даже основным законам, одновременно с указом о роспуске Думы был опубликован новый избирательный закон — положение 3 июня. Этим положением лишены были права представительства в Думе окраины: среднеазиатские владения, области Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская и Якутская. Всей Азиатской России предоставлено теперь избирать лишь 15 депутатов, Кавказу вместо 29 — только 10, Польше вместо 37 — 14. Сокращению подверглось и самостоятельное представительство городов. Из 26 городов, посылавших ранее депутатов отдельно от губерний, сохранено это право только за семью. В Варшаве и Лодзи осталась двухстепенная система, в Петербурге, Москве, Киеве, Риге, Одессе — установлены выборы прямые, но с разделением на две курии, построенные на начале имущественного ценза, и половина представительства отдана была в руки крупной буржуазии. Изменен был характер губернского представительства, причем в основу полагался принцип сословного и классового представительства, но так, что один класс (землевладельцы), получал безусловный перевес над всеми другими (крестьяне и рабочие). В общем Положение 3 июня отдало главенствующую роль землевладению и крупной буржуазии, получивших не только прочное большинство для проведения своих кандидатов, но и возможность влиять на выборы представителей от других групп. Если к этому прибавить еще некоторые ограничения демократического представительства и возможность для власти путем технических ухищрений давить на выборы, то этим и исчерпаются основные черты Положения 3 июня.

4

Измученное борьбой население встретило разгон второй Думы и избирательную «революцию» 3 июня уже без попыток открытого сопротивления. Для правительства Николая это было признаком того, что оно добилось наконец того общественного успокоения, которое не давалось с начала XX ст. Оно должно было преисполниться сознанием, что государственный корабль направлен наконец по верному курсу. Главным создателем этого курса, незаменимым кормчим его являлось не оно само со Столыпиным во главе, даже не придворная камарилья, а та особая организация погромов, провокаций, белого террора, которая с готовностью предоставила всю свою мерзость на служение «батюшки царя и матушки царицы». Последние, естественно, и отдаляются от порядочных людей, привлекая к себе как высокопоставленных, так и низкопробных громил и проходимцев. Грингмут, Ознобишин, о. Восторгов в Москве, о. Виталий в Почаеве, еп. Гермоген в Саратове, Илиодор в Царицыне, д-р Дубровин — в Петербурге. Наступает время, когда русские черные сотни могли развернуть свои силы на расчищенном для них поле, в то время как для остального народа империя обращалась в настоящий «сад пыток». Деньги лились сверху полновесной струей, на них издавались гнусные газетки вроде «Веча» и «Русского знамени», на них содержались «чайные» союза русского народа, притоны, где подготавливались всякие грязные делишки, на них организовывались политические убийства. Союзники — эти по большей части мошенники и преступники, хотя и носящие иногда рясу или клобук, встали во главе управления. Губернаторы и архиереи спешили возложить на себя значки, которыми украшает себя сам царь, служили молебны, писали верноподданнические депеши, попускали погромы и преступления и просили за погромщиков. Известен взгляд Николая на это дело: он его выразил своему верному союзнику, одесскому воришке Коновницину: «Я знаю, что русские суды относятся к участникам погрома с излишней строгостью и педантично. Даю вам мое царское слово, что буду всегда исправлять их приговоры по просьбам дорогого мне союза русского народа». Погромщики чиновные — полицейские, жандармы, губернаторы делали блестящие карьеры. Громили все, что попадет под руки:

и евреев, и русских, и университеты, и целые города. Одесский командир Каульбарс, разоривший вместе с генерал-губернатором некогда цветущий город, на официальном приеме заявлял, что «все мы в душе сочувствуем погрому». Образовалась некая «каморра народной расправы» во главе с мошенником Дезобри, которого суд не мог найти, но дом которого охраняли парадно одетые городовые. Одним из ульев одичавшего черносотенства сделалась Бессарабия, другим — Курская губерния, давшая России таких чудовищ, как гр. Доррер, Говоруха-Отрок и знаменитый Марков, излюбленный гость Николая, тоже имеющий в прошлом не одно преступление. Сила этой смрадной банды была такова, что перед ней сдавались даже министры, одни открыто, как Рухлов и Кривошеин, другие тайно, как Коковцев и Щегловитов. Особенно усердствовал последний, бывший «либерал», продавший Богу честолюбия свою совесть. В угоду черной сотни он обратил несменяемость судей в фикцию и публично заявлял, что «закон не для него писан». Дальше было трудно идти, раз с высоты престола воровство признавалось дополнением к жалованью, убийства — высшим выражением верноподданного патриотизма, изуверство — венцом православия.

В эпоху расцвета этого черносотенства, осенью 1907 года произведены были выборы в третью Думу. Пользуясь на этот раз «европейскими приемами», да еще и июньским законом, правительство получило наконец послушную Думу, пригодную для той декоративной роли, какую оно искони предназначало для этого учреждения. Из левых партий — с.-р. уклонились от участия в выборах — социал-демократы и трудовики смогли провести в депутаты всего несколько человек. Кадетов оказалось тоже немного. Главная масса депутатских полномочий досталась на долю октябристов и крайних правых различных сортов. Вначале кадеты надеялись на союз с октябристами, но поскольку последние руководились исключительно классовыми интересами помещиков и крупной буржуазии, а в то же время хитрый Столыпин рассчитывал временно опереться на эти «сливки русской прогрессивности» (как он называл октябристов), то гораздо более естественным оказывался октябристско-правый блок, который и создавался благодаря сговорчивости честолюбивого лидера октябризма — А. Гучкова. Председателем третьей Думы при ее открытии был избран

Н. А. Хомяков (левый октябрист), а остальные места были поделены между октябристами и правыми. В сотрудничестве этих двух групп и развивалась вся дальнейшая работа Думы, направленная на поддержание реакционной политики столыпинского правительства, начиная с усиленных полицейских репрессий и кончая его аграрным законодательством, разрушавшим общину, охранявшая исключительно интересы помещиков и крупных промышленников. Старательно угождая правительству, право-октябристская Дума, однако, не достигала этим признания своих прав: правительство Столыпина с течением времени все с большим пренебрежением относилось к «парламенту», который сам отказывался быть таковым и встречал аплодисментами заявление министра финансов Коковцева: «Слава Богу! у нас еще нет парламента!» Оно без всяких стеснений проводило в порядке 87 статьи свои законы во время думских каникул и даже раз решилось (для утверждения законопроекта о введении земских учреждений в шести западных губерниях, март 1911 г.) искусственно прервать для такой антиконституционной операции думскую сессию на три дня. В то же время октябристско-правое большинство Думы всемерно поддерживало все предприятия и действия столыпинского правительства, действовавшего все более безответственно и бесцеремонно. Дума приветствовала и проводила издание закона, окончательно ломавшего автономию Финляндии, выделение Холмской губернии из состава Царства Польского, одобряла все предлагавшиеся ограничения прав евреев, отстояла против оппозиции все правительственные законопроекты в области землеустройства. Третья же Дума в своем большинстве почти постоянно отвергала все запросы, вносившиеся левыми относительно деятельности правительства. Между прочим так отклонен был и запрос о провокаторской деятельности страшного Азефа, когда разоблаченное Бурцевым и бывшим директором Департамента полиции Лопухиным это «двойное» предательство набрасывало определенно позорную тень на правительство в лице Столыпина и его предшественников. Явно лживая речь Столыпина, доказывавшего великие заслуги Азефа перед русским государством и его ценную роль как агента-осведомителя и раскрывателя террористических актов, принята была Думой с удовлетворением, причем «парламент» одобрил и самую азефовщину

как один из необходимых элементов правительственной системы. Характерно то, что думское большинство год от году меняло свои позиции, уходя вправо, что отражалось на последовательной смене председателей Думы: левого октябриста Хомякова в 1910 году сменил представитель октябристского центра А. Гучков, а за отказом последнего председателем был избран правый октябрист Родзянко (1911 г.). Осенью этого года наконец погиб глава неистовой реакции Столыпин, пав жертвой того самого азефизма, который он только что защищал с думской трибуны. На каких-то торжествах в Киеве, в присутствии Николая, убежденного Столыпиным, что гидра революции окончательно раздавлена, а потому с 1910 года начавшего отваживаться на путешествия и посещения, Богров, полуохранник-полумаксималист, застрелил тягостного министра в театре. В этой операции оказались замешанными так или иначе многие сановные полицейские и жандармские особы, между прочим генерал Курлов и Спиридович. Общество отнеслось более или менее равнодушно к этому убийству. Преемником Столыпина был назначен министр финансов Кокковцев (9 сентября 1911 г.), от которого некоторые ожидали поворота в общей политике. Ожидания эти, однако, не оправдались, и политика Кокковцева по отношению к Финляндии, Польше, евреям, а также к печати, собраниям, общественной самодеятельности была прямым продолжением столыпинского курса. Тем более что на пост министра внутренних дел им был приглашен государственный секретарь Макаров, бывший товарищ министра при Столыпине, руководивший полицейской частью и проводивший с готовностью систему провокации. Вся программа этого человека выражалась в простой формуле: душить и давить. И с такой парой руководителей, как Кокковцев и Макаров, продолжение анархической реакции было обеспечено. Управление Россией все определеннее сводилось к хозяйничанью безответственной и самодержавной бюрократии, направляемой и определяемой все более поднимавшими голову «темными силами», захватившими в свои грязные лапы извращенный дворец. При таких условиях доживала свои скандальные и позорные дни угодливо-помещическая третья Дума как совершенно, казалось, излишнее, являвшееся простой декорацией, заведение, к которому пропал всякий интерес в стране.

Четвертая Дума, сменившая третью в 1912 году и созданная стараниями Макарова с высшим напряжением административного произвола, была точным воспроизведением своей предшественницы. В России расправлялись такие деятели, как Макаров — «Так было — так будет», проходимец Кассо, влюбленная пантера — Н. Маклаков, Ванька Каин — Щегловитов, целый выводок Хвостовых, а за ними пробирались все те, на которых «накатывало» вместе с неофициальным царем и патриархом Григорием Ефимовичем.

Народ еще безмолвствовал и безмолвствовал потому, что с нахлынувшим смрадом и ужасом распутино-романовского режима бороться было невозможно и бесполезно. Можно было только смести всю эту скверну с измученного лица русской земли.

